

Беседы в Михайловском

Души прекрасные порывы

Семен Гейченко,
Арсений Ларионов

Радость — в труде

— Семен Степанович, какие добродетели вы особенно цените?

— Как только ты становишься богаче, чем люди, окружающие тебя, как только на твоём столе, в обиходе появляется что-то излишнее, не складывай это в пенал, не береги, как скиппер рыцаря, а постарайся поделиться с теми, у кого этого нет. И радость к тебе придет, и умиление тебя не оставит. И ты поднимешься еще выше над своей земной долей.

Это я давным-давно понял. Человек, лишенный чувства умиления сердечного, участия в трудностях другого — это тяжелый человек и для себя, и для семьи, и общества, и государства.

— Что предполагает такое участие?

— Оно прежде всего предполагает милосердие. Пушкин, подводя итоги своей жизни, писал: «И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал... И милость к падшим призывал...». Милость, милосердие. Все люди — братья! С этой мыслью пришла новая эра сознания людей — социалистическая. А если они братья, то они должны относиться друг к другу с чувством добра, помощи, сострадания. Это гигантское архитрудное дело, чтобы люди стали братьями, на которое только Ленин, явление исключительное во все времена, мог решиться. Хотя я понимаю, что чувства добрые были созвучны всем вершителям человеческих надежд, счастья, веры как Пушкину, Толстому, Достоевскому, так и Ленину...

— Но из всех добродетелей — правда, честь, совесть, счастье, долг, любовь, труд... — какое у вас на первом месте?

— Работа. С самых ранних лет в доме у меня были нужные и действительные обязанности: принести воды, напилить дров, протопить печь, отпавиться на лошади в ночное... Я все делал охотно, без напоминаний, и испытывал от этого удовольствие... Чувство удовольствия от работы, от сделанного, от полезного не только мне, а прежде всего людям — я пронес через всю жизнь... Какая же это великая радость...

Ведь и Пушкин самой высокой добродетелью, самым дорогим на земле считал труд. Когда его друг, поэт Вяземский, попытался оценить, а что же, собственно, Пушкин явил миру, как человеческий образец, невиданный до сих пор, то пришел к выводу: Пушкин явил высочайший образец трудолюбия. И написал в своей книге, что в Пушкине глубоко таилась охранительная и спасательная нравственная сила. Эта сила была — любовь к труду, потребность труда, неодолимая потребность творчески выразить, вытеснить из себя ощущение, образы, чувства, которые в груди его просились на свет божий и облекались в звуки, краски, в глаголы, очаровательные и поучительные. Труд был для него святыня, купель, в которой исцелялись язвы, немощь, уныние, он обретал бодрость и свежесть, восстанавливались ослабленные силы... Когда он принимался за работу, он успокаивался, мужал, перерождался...

По-моему, замечательно сказано. Я всегда представлял Пушкина таким неутомимо работающим. Иначе мог ли он за свой короткий век свершить столь великое... Наши возможности, конечно, значительно скромнее... Но в радости трудиться, кто нам откажет, кроме нас самих. В этом отношении условия в нашей стране исключительно благоприятные...

— Дарит ли вам жизнь и сегодня открытие своих «америк»?

— Ну, как ведь на это посмотреть. Если работа тебе в тягость, какие тут могут быть «америки». Ты сам себе в обузу... А если ты торишь свою тропу, выбранную тобой по сердцу, тогда и преклонный возраст не самая большая помеха. Сил меньше — это верно. Но труд и сегодня — мой исцелитель, моя последняя задержавшаяся радость...

Здоров ли я был или болен — моим распорядителем всегда был труд, движущая сила моего бытия. В душе моей все еще кипит, в пороховнице — свежий порох... Я еще не огупел, память меня не оставила, и тормоза болезненного состояния еще не пришли в действие. По-прежнему активно работаю, как всегда требователен к себе. И жизнь мне... дарит еще открытия маленьких «америк»... Мне кажется, я даю добрые советы молодым людям, окружающим меня... И порой с грустью смотрю на некоторых своих товарищей по работе. Им всего-то тридцать лет, а они уже кричат, стонут, они уже перетрудились... А ведь им тоже хочется идти до ветеранного возраста, но как, если морально они уже старики?

— К сожалению, это стало нередким явлением...

— А зря... Надо кое-что изменить в наших жизненных правилах. Нельзя, чтобы человек начинал работать в двадцать пять — после института или в восемнадцать — после ПТУ. Наша родительская опека принимает порой болезненные, безнравственные формы. Чем раньше ребенок откроет и поймет, что главное благо в жизни — труд, тем раньше и крепче будет стоять на ногах... А у нас здоровые дети, не занятые никаким полезным делом, отдыхают, бездельничают, в пионерских лагерях... От какой такой усталости они отдыхают?

А в жизни мы везде и во всем нуждаемся в помощниках. Сколько вокруг работы совершенно по-сылной для ребят. Вон какие дылды, а что они умеют?! Может, прополоть поле, грабки, посадить дерево, убрать валежник, почистить двор? Что они могут, если до двадцати лет, а то и старше, никакой инструмент у них в руках не бывал.

И во всем этом прежде всего я вижу вину родителей, которых это не беспокоит, а потом и школы, и многих наших ведомств, которые нуждаются в помощи, но от помощи взрослых детей всячески открещиваются, чтобы только не иметь лишних хлопот... Каких же мы работников вырастим, а ведь богатства-то нам не с неба упадут, их надо руками создать.

— У вас нет впечатления, что нередко забота об отдыхе у нас, включая и общественные организации — профсоюзы, комсомол, стала куда большей, чем забота о напряженном созидательном труде?

— Конечно, именно так. Чаще всего слышишь — подай отдых! И что же это за отдых — пустое времяпрепровождение, ослабляющее душу и дух. Да и работа в положенный, нормированный срок — нередко для некоторых ленивое коротание времени... В таком разе могут ли они назвать ее добродетелью, скорее — наказанием...

Милость сердца

— Некоторые из добродетельных слов почему-то вышли из употребления... Скажем — милосердие, оно ведь вовсе не религиозного толка?

— Согласен, милосердие имеет смысл совсем не церковно-религиозный, а мирской. Без милосердия люди жить-то не могут. Ленин это сказал давно, отвечая на вопрос, как нам быть с милосердием. В великом учении о воспитании нового человека — культурного, образованного, находящегося постоянно в состоянии творчества, горения, неустанного созидательного труда — сказано, что человека нельзя считать гармонически развитым, если он лишен чувства добросердия, милосердия. Слово-то какое — милость! А разве оно может уйти из нашего словаря?

— Милость сердца.

— А вот еще... Когда мы хотим выразить чувст-

во благодарения, мы говорим спасибо. Что это такое? Это спаси вас бог — спасибо. Казалось бы, какое право имеет это слово на жизнь в наш атеистический, материалистический век. И все же мы ведь употребляем его. «Спасибо, дорогой, спасибо, ты добр ко мне»... Как тепло и сердечно, утешая нашу душу, звучат эти слова. Так и слово «милосердие», оно относится к категории этих старомодных слов, но отражает нужную, крайне современную человеческую потребность. Без милости, без милостивого, добросердечного отношения к природе, цветку, дереву, птичке, животному, наконец к человеку, нет и самого нового человека.

— Вам не кажется, что теперь в отношениях между людьми мы нередко чувствуем «дефицит» на участие, сострадание?

— Сострадание — это такое же необходимое для человека состояние, как для голодного — хлеб, жаждущего пить — свежая вода, влюбленного — сердечное свидание, дружеский разговор. И вы правы, думаю, что тут мы кое-что потеряли...

— А как теперь вернуть-то?

— Надо возвращать всеми средствами: искусством, поэзией, музыкой, широкой программой нравственного и эстетического воспитания детей, доброжелательной обстановкой в семье. Раньше человек рождался в семье, призванной дать не только смену поколений, но и все хорошее, что было у родителей, обязательно передать детям...

Это одна из тех целей, которую человек ставит, живя на свете. Если же он не будет стремиться к умнотворности в семье, а жить всегда в обстановке извинченности, истерической приподнятости, наносных страстей, ненужных столкновений, сумятицы, неуравновешенности, никогда у него в доме не будет радости, всего того, что является фундаментом в создании нужного, спокойного, величественного образа жизни. Атмосфера семейного счастья должна быть наполнена добром и взыскательной требовательностью к детям, трудолюбием, терпением и благородством душевным.

— Кстати, в наши, давние времена говорили «творить добро», а мы теперь чаще употребляем «делать добро», будто это какая-то машинная операция, функция. Творить и делать — все-таки суть вещи разные. В этой замене, наверное, есть замена меры действия, какая-то утрата творческого, самостоятельного выражения человека...

— Творить — это состояние духовное, в нем есть желание, самостоятельный побудительный момент, и правоучение, и высокое назначение добра, которое можно только сотворить. В творении добра — высок сам человек в своих помыслах.

— Делать — это удел прагматиков, а творить — достоинство мастеров...

— Творчество всегда предполагает возвышенность задачи, а дело бывает всякое: и мерзкое, и скверное дело, и всякое другое. Но творчество никогда не бывает таковым...

— Возьмите творчество души...

— Вообще творчество без души не бывает. Дело может быть и без души, а творчество — никогда. Оно происходит от слова творец, как высшая сила, востановившая владеющая человеком и всеми возможностями, которые он может выполнить на земле. «Душа обязана трудиться» — вот неотъемлемый закон жизни нашей и природы. Разве можно лишить человека поиска истины, правды, добра, гармонии, радости, наслаждения... Эти явления неисчерпаемы, так и душа в труде своем не знает предела. Только человек, вконец обленевшийся, равнодушный ко всему, погрязший в себялюбии, лести, глупости, глух душой... Семь смертных грехов держат отдельных особей еще крепко в своих тисках.

— А почему семь?

— В передаче «Очевидное — невероятное» один ученый объяснял таинственную сущность семерки и семи грехов, очень любопытные размышления.

— Но какие же грехи одолевают нас?

— Зависть, лень, гордыня, похоть, чревоугодие, ярость, скупость. Я подумал, можно ли это приложить к личности Пушкина, не будет ли это слишком вольно с нашей стороны... Однако ведь он тоже был человек, наделенный от рождения всем, как и мы смертные. Но и эта моя попытка лишней раз убедила меня, как велик Пушкин, как многое смертное он одолел в себе, достигнув высокой щедрости и полноты душевной...

Выбор по плечу

— К своему душевному равновесию Пушкин пришел с годами, именно к зрелости... Как и всякий человек пытается одолеть эти испытания души, да не у каждого получается.

— Или, как в старину говорили о таких испытаниях, человек должен пройти огни и воды, и медные трубы. А медные трубы это что? Испытание славой. А для славы и во славу сколько надо сделать! И не случайно трубы стоят в этом перечне на третьем месте. Благозвучных похвал меди чаще всего человек не выдерживает...

— Вы как-то обронили, что индивидуальное в характере сегодня все больше доминирует в образе жизни, поведении людей...

— Я часто думаю об этом. Наверное, так оно и должно быть. Какие великие испытания легли на плечи людей моего поколения! О таком не могли даже предположить гении наши — Толстой и Достоевский.

— Что в этих испытаниях, на ваш взгляд, было решающим, что даже не могли предположить ни Толстой, ни Достоевский?

— Наша революция называлась Великой Октябрьской социалистической революцией. Она — Великая. Это не французская, не немецкая, не итальянская революция. Это русская революция, какой не было никогда. Чтобы эту революцию задуть, чтобы сокрушить нас, старый мир мобилизовал все свое совершенно бессмысленное вероломство.

Но когда наши враги наконец поняли, что мы старый мир все-таки разрушим, а новый непременно построим, на свет появился фашизм — самое страшное зверство капитализма... Мое поколение все это видело, знает, да сколько нас осталось. Мы уйдем, но нам всегда хотелось счастья грядущим, и мы почти век не покладая рук трудились на этой благодарной ниве.

Теперь вам предстоит все взять на свои плечи... И легкого не ждите... Рейгану, Хейгу, Бегину и Тэтчер снятся совсем не миротворческие сны... Они и слышать не хотят, что мир может быть построен на основе братства, уважения друг друга, счастья, чтобы на Земле был мир, благоволение и радость... У них такие мысли вызывают злобу и ненависть. Отсюда и вся градедия, вся жестокая беспощадность в выборе средств противостояния старого мира новому... В старом мире, судя по последним событиям, мысль о былом величии сидит еще крепко.

— Чтоб завершить наш разговор о добродетелях, хочу спросить вас, как вы относитесь к долгу?

— Долг — это обязанность. Долг — это твоё право заниматься тем, чем ты занимаешься, это сознание того, что ты не должен уйти от дела, пока его не свершишь целиком. Долг бывает перед самим собой, долг бывает перед тем, кто тебе поручил дело, и долг бывает еще выше — то есть уже там, где означены слова «идея», «партия», «нация», «родина». Долг патриота, интернационалиста. И тогда не только ты выбираешь, но и долг выбирает тебя.

Я считаю мою жизнь здесь, мою работу — моим долгом, моей обязанностью. Другой я свою жизнь не представлял.

Псковская область.